

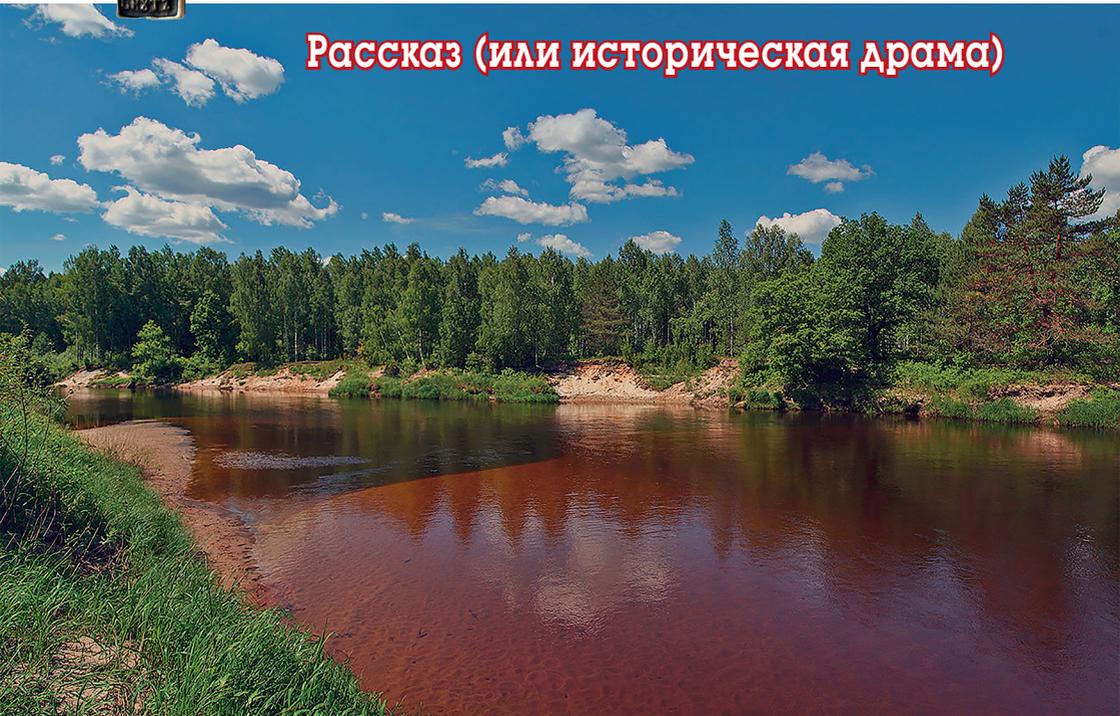

Михаил Смирнов

КЕРЖЕНЕЦКАЯ БЫЛЬ

Рассказ (или историческая драма)

КЕРЖЕНЕЦКАЯ БЫЛЬ

Рассказ (или историческая драма)

**Москва, Рогожская слобода, ул. Воронья
(в настоящее время ул. Сергия Радонежского)**

Июль 1812 года.

Купец-предприниматель Солдатов пригласил к себе в кабинет со-племенника по вере (старообрядца¹), одного из своих надежных людей, приказчика Терентия Окского.

¹ Старообрядство — группа религиозных течений, объединенных русской православной традицией, не принявшая церковную реформу XVII века патриарха Никона. В России тогда была поставлена цель — унифицировать проведение обрядов с греческой традицией. Поскольку часть верующих отказалась принимать новые правила, провозгласив истинной только старую веру, то она вскоре стала известна под названием «старообрядцы». Этот термин сам по себе указывает на то, какое значение в создавшемся конфликте занимали обычаи и традиции.

— Вот что, Терентий, — хмуро и неспешно выдавил хозяин, при этом рукой оправляя свою благообразную богатую белую бороду, — на дворе июль, второй месяц войны с Наполеоном, а французы уже под Смоленском. Глядишь, через месяц-другой у стен Кремля московского будут. Чую я, пограбят и пожгут первопрестольную французики, разорят нас.

— Неужто супостат возьмет златоглавую Москву? — тихо выдавил приказчик, теребя рукой чернящую клинообразную бороду. — Свят, свят.

Быстро перекрестился двумя перстами правой руки.

— Бардак у нас кругом, — выдавил хозяин, — да и не готовы мы толком к войне. Профукали! Проплясали! Поверь моему слову, Терентий, — возьмут французы первопрестольную.

— Верю вашей мудрости, Егор Васильевич.

Приказчик быстро перекрестился и что-то тихо пробубнил.

— Вот и решил я, — продолжал хозяин, — часть своего добра переправить на хранение в Коломну, к своему родственнику Глебу. Ты ведь знаешь его, видывал?

— Знаю-знаю, батюшка, видывал-видывал.

— Готовь добрую бричку, завтра с утра пораньше и отправишься.

— Дозволь спросить?

— Коль по делу, спрашивай, Терентий.

— Что повезем-то? Какую поклажу готовить?

— Сундук один, увесистый такой, из дуба, кованный, общим весом порядка трех пудов. Человека дам тебе в помощь на всякий случай, Ваньшей зовут. Вот и прикинь дорожную поклажу.

— Прикину-прикину, батюшка.

— По мне так лучше будет малоприметная кибитка, телега с крытым верхом, с двумя гнедыми. Да язык за зубами держи, Терентий, коль жить долго хочешь. С секретной миссией едешь.

Приказчик закивал.

— Езжайте осторожно, не гоните. Посередь пути, в Бронницах, заночуете, — продолжал хозяин. — А поутру дальше в Коломну двинете. Как доставишь груз, сразу воротись назад, доложишь.

— Все сделаю, батюшка-кормилец, и доложу.

— Подойди ближе, Терентий, да распишись за получение сундука с ценностями. Как дело сделаешь, воротись ко мне, расписку верну тебе...

Город Бронницы Московской губернии, постоялый дом на Астраханском тракте...

Двое мужчин трапезничают за столом. Мужчина с чернящей клинообразной бородой всё подливает из штофа спиртное в стакан более молодого, безбородого мужчины.

— Покушаем, отдохнем, а завтра, Ваньша, спозаранку в путь-дорожку, — ворчит бородатый.

— Ага, дядька Терентий, — наворачивая картошку с капустой, соглашается молодой напарник...

Часом позже...

В помещении стоит полумрак, слышен храп. Это двое мужчин, спящих на кроватях, издают звуки.

Вот один мужчина с клинообразной бородой открывает глаза, прислушивается. Вскоре он медленно поднимается и осторожно достает из-под кровати сундук. Вынимает из-за пазухи нож и начинает осторожно открывать сундук. Крышка крепкая, и мужчине приходится применять силу. Опять же, озирается он на спящего.

Но вот крышка поддается. Открыв ее, мужчина всматривается в содержимое. Достает монету, рассматривает, берет на зуб.

— Золотая, — довольно и тихо шепчет. — Сколько тут их!? Видимо-невидимо!? — усмехается. — Значит... секретная миссия.

Закрывает сундук, ставит на место и задумывается. Тихо бубнит себе под нос:

— ...Война, бардак, кто будет разбираться...

Вскоре, очевидно приняв решение, тихо перемещается к спящему мужчине. Взмахнув рукой, вонзает нож в грудь спящего...

Город Бронницы Московской губернии, постоялый дом на Астраханском тракте...

Раннее утро. Из дома выходит мужчина с клинообразной бородой, быстро осматривается по сторонам. Следует дальше. На плечах он несет очевидно пьяного, молодого, безбородого мужчину. Укладывает беднягу в кибитку и снова отправляется в дом. Вскоре выходит с сундуком в руках, определенно тяжелым. С большим усилием и аккуратно ставит в кибитку. После этого мужчина с клинообразной бородой запрягает лошадей. Вскоре кибитка трогается в путь...

Двумя часами позже...

У моста остановилась кибитка, запряженная двумя разгоряченными лошадьми. Возчик, мужчина с чернящей клинообразной бородой, спрыгивает на землю. Затем стаскивает с повозки очевидно пьяного, молодого мужчину, проходит к реке. Со словами:

— Отдыхай дальше, Ваньша, — медленно опускает тело мужчины в воду...

Деревня Гавриловка Нижегородской губернии...

Август 1812 года, раннее утро.

К воротам дома подкатила кибитка, запряженная двумя разгоряченными лошадьми. Возчик, мужчина с клинообразной бородой, спрыгивает на землю и сильно стучит в ворота.

Через некоторое время ворота со скрипом открываются, и появляется бородатый мужчина. Он внимательно всматривается в гостя и тихо выдавликает:

— Терентий, братка старшой, ты что ли?

— Я, я, братка Артемий, открывай ворота.

Мужчины обнимаются...

Часом позже...

В помещении стоит полумрак, за накрытым столом располагаются двое бородатых мужчин. Они выпивают, закусывают и разговаривают.

— ...Мы слышали, что прошлым годом разбойники с тверского тракта жену и детей твоих поубивали.

— Да, братка Артемий, один я теперь, как перст. Давай выпьем за них, убиенных.

Мужчины выпили.

— Я слышал, братка Терентий, ты при купце-миллионере Солдатове состоишь.

— Состоял, да надоело горбатиться задарма. Солдатов-то всё жирет: и в мирное время, и в военное. А своих людей в черном теле содержит. Баста, решил я, сам буду жить.

Младший брат удивленно смотрит на старшего.

— Не понял? Это как, Терентий?

- Всё обскажу, только не гони меня. Скажи, как сам живешь?
- Жить здесь можно, но деньжат вот маловато.
- Я привез деньгу, монеты, теперь заживем. Пустишь жить меня к себе?
- Так, это... конечно, братка.
- Жить я буду тихо, чтобы никто особо не знал пока, полгода-год...
- А где ты жить-то будешь, братка?
- Не бойсь, не обижу, Артемий. Дом твой подремонтируем. Да и второй этаж надстроим для меня. А? Заживем дружно! К зиме надо поставить этаж.
- Деньги будут — поставим, братка...

Деревня Гавриловка Нижегородской губернии...

На второй день своего пребывания, во время ужина, Терентий тихо, но веско сказал:

— Обследовал я, Артемий, твой дом и округу и вот что решил. Твой фундамент не выдержит второй этаж. Надо его просто основательно подремонтировать, увеличить и нарастить. После этого возьмемся и за второй этаж.

Младший брат согласно кивал.

— За домом идет обрыв в несколько саженей и дальше — берег и река Керженец², — продолжал старший брат, теребя свою клинообразную бороду. — Надо из подвала дома прямо к реке потайной ход вырыть. Понимаешь, запасной черный выход. Капитально сделать, бревнами обложить. А в ходе этом потом можно тайники разместить. Понимаешь, братка?

— А зачем? — спросил Артемий.

— Дубина! Добро прятать там, ну и выход запасной на всякий случай иметь...

Город Коломна Московской губернии...

Лишь в конце августа, закончив все бизнес-дела, купец Солдатов покинул Москву. К этому времени Терентий Окский так и не объявился

² Керженец — река протяженностью в 290 километров в Нижегородской области России, левый приток Волги. В XVII — XIX веках на берегах Керженца существовали большие поселения старообрядцев, скрывавшихся от царских гонений.

с докладом о секретной миссии. Сундук с добром был лишь толикой богатства купца. Но судьба его безусловно волновала Солдатов, и он решил сам разобраться...

Едва белобородый купец переступил порог дома своего коломенского родственника, как сразу шепнул тому на ухо:

— Ну, Глеба, веди, показывай мой сундук дубовый, кованый.

— Какой сундук? — удивился хозяин дома.

— Тот, что Терентий Окский привез.

Хозяин дома удивленно моргал глазами.

— Терентий!? Я э... его года два, поди, не видывал. Слышал, что семью его разбойники порезали...

Солдатов изменился лицом, посуровел, потормошил рукой свою белую бороду и крикнул:

— Ты меня дурачить вздумал?

— Нет, батюшка-кормилец, — упал на колени и завопил хозяин дома. — Не видел я ни Терентия, ни сундука. Богом клянусь! — стал усиленно креститься.

Задумчивый Солдатов сел на первый попавшийся стул, обхватил голову руками.

— Предал Терентий меня, украл, — тихо выдавил. — Враг...

Вмиг вспомнил, как, отрывая от текущего дела, откладывал в закрома, на черный день, европейские серебряные талеры и золотые дукаты с изображением монархических особ, царской чеканки золотые червонцы... Вспомнил и как подарил приказчику за верную службу золотой нательный крест...

— Гаденыш! Вымесок (выродок)! Ну, я тебя изыщу, Терентий, — воскликнул купец, вскинул голову, сверкнул глазами. — Всё свое изыму! Кожу с живого вора-мазурика спушу и на кол посажу...

Москва, Рогожская слобода, ул. Воронья...

В феврале 1813 года купец Солдатов получил от своего надежного человека послание...

Солидный мужчина с богатой белой бородой сидел за столом перед свечой и держал бумажный исписанный свиток в руках. Мужчина медленно, шевеля губами, читал. Прочитав один раз текст, он задумался на минуту, затем снова принялся читать...

— Значит, этот пес и грабитель Терентий жирует! — отложив свиток, воскликнул мужчина. — Надсмехается надо мной! На Керженце!

Мужские глаза горят неукротимым огнем.

— Я буду не я, если не поймаю вора-мазурика! — громко изрекает. — А поймаю...

Деревня Гавриловка Нижегородской губернии...

Март 1813 года выдался снежный и лютый...

Дом деревянный в два этажа. В одну из комнат вбежал растрепанный Артемий и выпалил:

— В деревню приехал московский купец Солдатов с большим обозом и немереной солдатской охраной.

Лежавший на кровати Терентий от услышанных слов вскочил на ноги, побледнел и тоскливо бросил:

— Погибель моя приехала, — что-то прошептал, перекрестился и поцеловал висевший на груди небольшой крест.

— Это как?

— Золотые и серебряные монеты я у него позаимствовал. Подумал, что у него, богатея, не убудет. Да и не заметит он пропажи, забудет. Ан вышло не так.

— А!? — лишь выкрикнул Артемий. — Что теперь будет, братка!? — перекрестился.

— Тебе — ничего. Спросят, скажешь, что не видел меня.

— Да тебя поддережни видело!

— Ну, скажешь, что приезжал я пару раз и уехал. Насовсем уехал, на Урал уехал. Ну, иди, купец скоро к тебе приедет, строг он.

— А ты, братка? Беги потайным ходом, беги.

— Сейчас по снегу метровому далеко не убежишь. Я покуда в нашем схроне подземном спрячусь, возьму свою намоленную икону Григория Победоносца и спрячусь. Молиться буду, авось и пронесет.

— Я с тобой, братка, посмотрю, как ты спрячешься.

— Пошли, только быстро. Всё закончится, придешь, обскажешь. И не дрейфь, Артемий...

Десятка два подвод и кибиток на санях с шумом подъехали к двухэтажному просторному дому. С подвод соскочило с десятков солдат с ружьями и направились в дом. Следом отправилось несколько гражданских лиц, вместе с ними один — в полицейской форме.

Через некоторое время солдаты вывели из дома бородатого мужчину, женщину и троих детей. Они направились к самой большой и самой

красивой кибитке из прибывшего обоза. Из нее вышел крупный, бело-бородый мужчина в огромной шубе и соболиной шапке. Солдаты поставили на колени перед ним обитателей двухэтажного дома.

— Где, Артемий, твой брат Терентий? — грозно спросил белобородый мужчина в шубе и соболиной шапке.

— Батюшка, пощади! — запричитала стоящая на коленях женщина.

— Цыц, баба! — гаркнул солдат. — Скажешь, когда тебя господин купец I гильдии Солдатов спросит, — ударил беднягу рукой по лицу.

— Приезжал братка, пару раз приезжал, — затараторил Артемий. — И уехал, совсем уехал, говорю, как на духу. Сказывал, что на Урал поедет на большие заработки.

— Хоромы тебе он помог построить? — спросил купец.

Артемий закивал.

— Пособил немного, займы дал...

Купец задумался, медленно вымолвил:

— Значит, пособил серебряными талерами и уехал...

В это время из дома вышли гражданские лица и полицейский. Служивый громко бросил:

— Господин Солдатов, мы всё осмотрели. Ни одной живой души и ничего ценного не нашли. Так, барахло всякое.

— Дом, отстроенный на ворованное, сжечь, — хмуро изрек купец. — Не верю я тебе, Артемий, что ты ничего не знаешь про Терентия и про его награбленное добро. Поэтому ты, Артемий, с семьей поедешь на Урал, на каторжные работы, законное направление я тебе уже оформил, — хохотнул. — Может там и брата-мазурика встретишь...

— За что обездоливаешь!?! — громко крикнула женщина в слезах.

Стоявший рядом солдат со словами:

— Бандитское отродье, — наотмашь стегнул плетью беднягу по спине.

В это время Артемий со слезами на глазах тихо шептал:

— Братка же там в схроне, — быстро крестится. — Прости, братка, что закрыл я тебя на замок для надежности, — снова крестится. — Если не сгоришь, так, поди, можешь дыма наглотаться и сгинуть. Прости, прости...

Город Семенов Нижегородской губернии...

Московский купец Солдатов в лучшем постоялом дворе города второй день отходил от неудачной поимки своего бывшего приказчика

Терентия Окского. Вместе с ним за накрытым столом находился градоначальник Феофанов и Хортин — местный полицмейстер, глава полиции города и уезда.

— ...Понимаешь, Хортин, должен я его, сукина сына, грабителя-Терентия поймать. Во что бы это мне ни стало. Должен я вора наказать. Понимаешь, ты?

— Понимаю, Егор Васильевич...

— Я чувствую, он где-то рядом, понимаешь? Верные люди мне сказывали.

— У меня в округе много надежных людей. Если этот Терентий Окский в нашем уезде, считай, мы его поймаем. Не таких ловили.

— Вся надежда на тебя, деньги на поимку вора я тебе дам, — изрекает купец, теревит кистью руки свою белую бороду. — Собери про Терентия-грабителя все сведения, понимаешь, все.

Полицмейстер согласно кивает головой.

— Народ говорит, будто ты у нас, Егор Васильевич, заводик будешь строить?

Белобородый купец на минуту задумывается.

— Леса мне тут у вас и на реке Керженце понравились, добрые, сосновые. Буду лесозаготовками заниматься, сплавать лес по Керженцу прямо в Волгу. Потом, может, и завод построю. Слышал, есть недалеко месторождения красной и белой глины. Надо всё разузнать как следует. Может, гончарное дело заведу.

— Егор Васильевич, — обратился городской голова. — А что для города, общества городского ты пожелаешь сделать?

Раздумывая, Солдатов насупил на некоторое время.

— Церковь построю, да. Соборную церковь, украшу, как положено...

Москва, Рогожская слобода, ул. Воронья...

Купец Солдатов находился за рабочим столом и занимался документами. Дела шли исправно, ткацкое ремесло стабильно развивалось, лесозаготовки и строительство росли невиданными темпами...

В помещение вошел приказчик Федот с синей шкатулкой в руках и вымолвил:

— Дозволь сказать, Егор Васильевич.

Купец оторвался от работы, повернулся и бросил:

— Говори, Федот.

— Нарочный привез шкатулку из города Семенов, что Нижегородской губернии. Сказывал, что от полицмейстера Хортина. Я проверил, в шкатулке несколько посланий.

«Вместо грабителя Терентия Окского полицмейстер шкатулку с бумагами отправил», — хмуро подумал купец, бросил:

— Поставь на стол.

Приказчик поставил, поклонился и вышел.

Солдатов открыл крышку крашеной деревянной шкатулки, достал верхний лист бумаги, взглянул.

«Так... Это роспись произведенных расходов», — усмехнулся, положил на стол, взял следующий лист.

«Это описание мест, где искали мазурика Терентия», — положил, взял следующий лист.

«Это приметы мазурика, — ругнулся, — как одевается... описание креста нательного... личной иконы...»

Сверкнул глазами и выдавил:

— Найду я тебя, мазурика Терентия, найду, — скрипнул зубами. — Сто, двести, триста лет буду искать, а найду. Сам не найду, предкам поручу искать...

Москва, ул. Мясницкая...

Апрель 1830 года.

Купец Егор Солдатов уже полгода как лежкой лежал на своей постели в своем доме. Старческая немощь завладела его некогда могучим и казалось никогда несокрушимым телом. Не помогают местные светила-эскулапы и привезенные различные разноцветные заморские пилюли...

Купец пригласил к себе старшего сына.

— Чувствую, Кузьма, конец мне приходит...

— Да ты что, отец! — восклицает сын, быстро крестится двумя перстами правой руки. — На все воля божья!

— Не перебивай, трудно мне говорить. Вроде всё я успел на этом свете, наследство хорошее передаю. Но гложет меня одно дело, понимаешь, недоделанное дело.

— Какое, батя? Скажи, я его доделаю.

— За этим и пригласил тебя. Ты должен его решить, а не сможешь, — твои дети должны.

— Да что за дело-то, объясни?

— Позорное для рода нашего. Уже в далеком 1812 году мой приказчик Терентий Окский обворовал меня на большие деньги. А я не смог его найти и, главное, вернуть уворованное наше добро.

— Я его из-под земли! — громко воскликнул сын. — Много добра уворовал?

— Много, наверное, на миллион будет.

— Миллион! — выдавил сын, при этом рукой поглаживая свою серо-белую бороду. — Это на какие деньги?

— На вечные.

— Это как, отец? — удивленно выдавил сын.

— Украл Терентий накопленное мною золото и серебро. Понимаешь, царские золотые червонцы, золотые дукаты, германские серебряные рейхсталеры... — старик раскашлялся.

Сын внимательно смотрел на отца и ждал.

— В рабочем столе моем, — продолжил старик, — найдешь черную папку с надписью «Терентий». Там все собранные мною материалы на мазурика. Понял ли?

— Пока да. Говори подробности...

Москва, ул. Мясницкая...

Кузьма Солдатов, сын купца Егора Солдатова, потратил много сил, времени и средств, дабы разобраться с «позором рода». А именно, найти уворованные приказчиком Терентием Окским золотые и серебряные монеты. Направлял людей в места возможного пребывания вора и его родственников, сам трижды выезжал в нижегородскую губернию.

Но, увы... Все поиски оказались тщетными...

Не смог выполнить Кузьма обещание, данное им отцу. Находясь уже при смерти, он рассказал о «позоре рода» старшему сыну, Василию. Василий, большой любитель театра и всего, что связано с ним, слушал невнимательно. Ведь сегодня вечером в Малом театре ставили новую пьесу великого драматурга А.Н. Островского под названием «Лес». И очень может быть, скорее наверняка, сын вскоре забыл и более никогда не вспоминал о предсмертном рассказе отца о некоем приказчике Терентии Окском...

P.S.

В один июльский день 2012 года два туриста-любителя из Москвы сплавились на байдарке по реке Керженец. Погода стояла хорошая, сплав шел удачно.

У полуразрушенной деревни Гавриловка они остановились на берегу на отдых. Совершенно случайно один из них обнаружил старый подземный ход. Мужчины, в душе любители приключений, не поленились и решили его, полуразвалившийся, местами обгоревший, пыльный и грязный, исследовать. И вскоре нашли... кости!? Вернее, даже человеческий скелет, истлевшие останки, вероятно, вещей, небольшой невзрачный темный крестик. Рядом находилась закопченная, примерно тридцатисантиметровая икона и три, вероятно, глиняных, также закопченных кувшина... А как это оказалось в кувшинах!? Старинные монеты!?. В одном – германские серебряные талеры, в двух других – царские золотые червонцы и золотые дукаты...

– Да их тут немерено! – воскликнул один.

– Точно больше чем на миллион долларов! – весело изрек второй. – И заживем мы! Сегодня же устроим вечеринку!

А через два дня в номере отеля города Семенов нашли двух мертвых туристов из Москвы, сплавщиков на байдарках. Ценности найденного ими клада в Гавриловке бесследно исчезли...

